

— Ну как, встреча прошла успешно? — голос Гермионы выталкивает меня из мечтательности, когда она с Гарри появляются из-под мантии на одной из лестничных площадок. Гарри складывает карту.

— Да, ура! — сохраняю налипшую на лицо ухмылку. — Платите, я выиграл пари!

— Мы не заключали пари, — сконфуженно говорит Гарри.

— Нет!? Проклятье, блин!

— Пф! Что я тебе говорила по поводу британского акцента?

— Да ну, — надуваю я губы, — я-то думал, что в этот раз я хорош.

— Я тоже так думал, — решает замолвить за меня словечко Гарри.

— Ха-ха! Я выиграл!

— Ну ладно, так что же случилось? — раздражённо спрашивает Гермиона, вопиюще игнорируя и умышленно обрезая моё ликование. Но это не пригасило моего настроения.

— Джентльмен не даёт интервью о тех, кого целует, — самодовольно ухмыляюсь.

— Да ну тебя! Не верю! — у Гермионы округляются глаза.

— Пока лишь к ручке приложился, и жив я только потому, что отвлеклась она случайно, чтобы заклясть меня успеть.

— Ты в курсе, что ты чокнутый? — меланхолично информирует меня Гарри.

— Мазохист, ты сам меня так назвал, — поправляю. — Это случилось в самом конце. Я наполовину ожидал получить заклинание в спину опосля, но.... В любом случае, она написала отцу о том, что я говорил около зельеварной лаборатории. Он согласен со мной по сути насчёт чистоты крови, а Дафна о нём очень высокого мнения, и верит ему. Она согласилась выручить нас в случае затруднения.

— Правда? — Гарри точно офигевает.

— Да, но она вряд ли в ближайшее время согласится появиться с нами на людях.

— Уильям, это невысказано, — смеётся и мотает головой Гарри. — Не могу поверить, что ты заполучил слизеринку нам в помощь.

— А я не могу поверить, что ты поцеловал её руку! — Гермиона что? Ревнует?

Я обнимаю её рукой за плечи, притягиваю к себе и крепко целую её в лоб, чуть ниже линии волос.

— Знаю-знаю. Сумасбродство, если подумать. Но я не планировал. Кстати, у тебя приятно пахнут волосы.

— Уильям... — жалобно говорит она и отпихивает меня локтем.

Видя её румянец и вспомнив часть нашего разговора с Дафной о честности, я решаю подтолкнуть ситуацию ещё дальше.

— Знаешь, теперь, когда мы продекларировали нашу любовь друг к другу, думаю нам стоит быть понежнее друг к другу. Можно я буду обнимать и целовать тебя почаще, когда мы не на людях.

— Зачем ты так говоришь? — она краснеет ещё сильнее и прячется за Гарри, а я смеюсь над похожестью её и Дафны реакции.

— Может не будете договариваться об обжиманиях у меня на глазах? — недовольно высказывается Гарри.

— Поцелуй — это не обжимания, Гарри, — говорю ему, закатывая глаза. — Ты тоже должен так делать, её кожу приятно целовать, и волосы пахнут просто замечательно. Давай, понюхай сам.

— Я не собираюсь обнюхивать её волосы!

— Да уж, вряд ли это будет удобно сейчас, но тебе надо проявлять инициативу и самому обнимать её. Вот тогда сможешь оценить аромат её волос. Она, кстати, здорово обнимается. Кстати говоря, ты мне так и не ответила. Обнимашки-целовашки бум?

— Значит, ты целовался и обнимался с Дафной, вот и заговорил об этом? — обижается Гермиона.

— Нет, по правде, рукопожатие в конце — это единственный раз, когда мы дотронулись друг до друга. Её палочка была направлена на меня большую часть времени.

— Ладно, — вздыхает она, — если ты должен, то наверное нормально, если ты обнимешь меня. Но я не знаю про... — пищит она, подхваченная и крепко обнятая, кружась вокруг меня как центра карусели. Когда я ставлю её на пол, она лупит мне по руке, но при этом подавляет смешок. — Болван!

— Гарри, честное слово, ты сам себя лишаешь эссенции райской атмосферы. Я правду тебе говорю.

— Хватит меня нюхать! Я просто ощущаю, что должна немедленно пойти отмыться.

— Если бы ты была грязной, ты бы не пахла так здорово. Хотя что это я? Беру свои слова назад. Ты бы всё равно пахла хорошо, только по-другому.

— Ладно, тогда я тоже беру свои слова назад — никаких обниманий и определённо никаких поцелуев. — Гермиона складывает руки на груди и завершает драматичным: — Умпф. — Я шатаюсь, как от удара, прижав обе руки к сердцу.

— О, ты мучительна, бесплодная любовь! Возлюбленной моей жестокая душа! Ну почему ко мне ты равнодушна, и почему ты мучаешь меня! О, Гарольд, брат мой дорогой, я должен умолять тебя — позволь мне жить, страдая за тебя через твои сладчайшие объятия с любовью моей жизни — Гермионой! Страдание без неё есть много больше, чем разорённая моя душа способна удержать! О горе! Горе мне какое!

— Хорошо-хорошо, прекрати! — говорит Гермиона, сжимая губы в попытке спрятать улыбку. — Если ты прекратишь нести эту ужасную шекспировскую нелепицу, то я разрешу тебе обнимать меня, — она тут же поднимает руку ладонью ко мне. — Не сейчас! Просто... позже. Э... вот как-то так, говоря в-общем.

— Ужасную? — я театрально надуваю губы, когда она не даёт мне обняться. — Надежды все вложил я в речи эти, чтобы мольбу к сердцам надёжней донести.

— Да уж, даже актёр погорелого театра не смог бы жалостливей, — говорит Гарри.

— Твоя колючая двусмысленность, о брат, пронзает сердце золотое, — я театрально бью себя кулаком в грудь.

— Ты же не собираешься говорить так всё время, да? — спрашивает Гермиона.

— Ну а как иначе я смогу уйти от болезненного возмездия, называя тебя моей возлюбленной любовью? Ой! Вот видишь? — моя ухмылка не исчезает, пока я тру себе плечо.

— Заканчивай говорить что ты не имеешь в виду.

— Хм. Если рассуждать логически, думаю очень точно можно сказать, что ты моя ближайшая и дражайшая любовь. На этой стороне лужи у меня только ты и Гарри, в конце концов. Но ты выглядишь и пахнешь лучше. Ты только не обижайся, Гарри.

— Какие уж тут обиды, — смеётся Гарри.

— Но конечно, у тебя ещё есть родители и, возможно, другие родные, и Гарри. Поэтому я знаю своё низкое место в списке твоей дражайшей любви.

— Я ни разу не сказала, что люблю тебя, — возражает она.

— Полагаю, что нет, — вздыхаю и склоняю голову. — Ты вынуждаешь меня захотеть раскрыться в трагическом шекспировском монологе.

— Пожалуйста, не надо. — Она глубоко вдыхает и медленно выпускает воздух. — Признаю.

— Что?

— Л-люблю тебя... и Гарри, — говорит она искренне, но глаз от пола не отводит. — Я никогда не говорила это никому вне семьи. У меня было мало друзей, и вы, ребята, вы — мои лучшие друзья.

На слух восприятие слов совершенно иное, пусть я их только что сам проговаривал. Мы внезапно останавливаемся и замолкаем.

— Ну скажите хоть что-то уже! — хлюпает она.

— Уже достаточно “позже”, чтобы обнять тебя?

— Да, тупица ты здоровая!

Подхватываю её в медвежьи объятия и решительно обнимаю, так же, как она меня. У неё сильные руки, обманчиво хрупкие только с виду.

— Ты уже знаешь, что я люблю тебя.

Через минуту ставлю её на место, и теперь уже Гарри обнимает её. Они тихонько о чём-то шепчутся, но я слышу только:

— Я тоже тебя люблю, Гермiona.

Гермиона с трудом сглатывает всхлип, а я не могу удержать и улыбаюсь сквозь слёзы, которые угрожают пролиться из глаз и их приходится вытирать рукавом. Наконец они разделяются, и Гермиона также старается остановить слёзы руками.

Мы молча продолжаем неспешное движение. Гарри и Гермиона держатся за руки, а меня она подхватывает под галантно согнутый локоть.

— В одном ты был точно прав, Уильям, — говорит Гарри чуть погодя. — У её волос по-настоящему приятный аромат.

Гермиона мотает головой, но не может скрыть улыбку, губящую на корню её хилую попытку возмутиться.

— Я ж те грил, чел! — скалюсь в самодовольстве. — Хотя я слегка разочарован, Гарри. Тебе стоило ещё и поцеловать её в щёчку. Она бы позволила.

— Угх, не сейчас, Погубитель Моментов, — говорит Гермиона с фальшивой искренностью.

— Знаю-знаю. Я подразумевал, что уже слишком поздно.

— А может и нет, — прыскает она, склоняется и клюёт его в щёку, удивив и заставив зарумяниться.

— Молодец, Гарри! Настоящий мужик! — говорю, хлопая его по спине. Дожидаюсь, пока их румянец слегка спадёт, потом продолжаю. — Хотя, я чувствую себя слегка брошенным. Имею в виду — я поцеловал Гермиону, она поцеловала тебя... Давай Гарри, завершай. Это только справедливо — так замкнуть круг. Которую щёку подставить? — я сграбастываю их обоих, пока Гермиона закатывается в истерическом хихиканьи. — Я бы предположил, что моя правая щека чуть помягче левой. Или есть ещё лоб, но мои волосы пахнут не так хорошо, как её.

— Ты странный мужик, Уильям, — качает головой и прищёлкивает языком Гарри. — Весьма и весьма странный.

* * *

Следующая неделя течёт спокойно. Гермиона разгадывает, как наколдовать муффлиато и делится с Гарри открытием. И теперь любой из них может избегать пересудов и поодиночке, и когда они вдвоём. Гарри огорчают на предсказаниях в понедельник, пока мы с Гермионой

грызём премудрости арифмантики, но он замечательно держит в узде свой гнев.

Мы с Дафной переглядываемся, но я слишком занят тренировками Гарри и работой над рунными камнями для барьера, чтобы предлагать встретиться. Мы с Гермионой подталкиваем Гарри к отличному освоению чар призыва, которые в это время изучаем по программе. Мне приходит в голову, что я могу предложить иной способ прохождения дракона. Но он и так в каноне завершил задание быстрее остальных чемпионов, поэтому, наверное, стоит позволить ему воспользоваться его собственным планом из канона. Если Хмури-Крауч выдаст ему намёк.

Но с другой стороны, может мне самому заранее сделать этот намёк? Третья мысль — намекать побольше, чтобы он не получил шипом от здорового хвоста дракона в плечо.

— Что вы, ребята, думаете насчёт Хогсмида завтра? — спрашивает Гермиона, подняв голову от пятничного утреннего выпуска Пророка.

— Могу сделать перерыв в тренировке, — признаёт Гарри.

— Жду не дождусь проверить всё самому. Там есть книжник, так?

— Да, “Тома и Свитки”! — её лицо светлеет от предвкушения. — Мы обязательно зайдём туда.

— Угх, я разве не сказал, что хотел бы сделать перерыв?

— Ох, интересно же, Гарри.

— Нам можно там и не задерживаться ради спокойствия Гарри. По минимуму мы попробуем найти у них некоторые неизвестные книги, а потом посмотрим, сможет ли комната выдать их нам, — предлагаю компромисс.

— Это замечательно, Уильям!

— Тогда у нас будет списочек для проверки. Эксперимент, конечно, не идеальный, но всё равно интересно. Что насчёт магазина одежды?

Гермиона хмурится.

— Я знаю только один — Гладраг. Они, кажется, специализируются на формальной одежде. Я там не была, поэтому не знаю, что они могут тебе предложить.

— Ммм, тогда возможно ничего хорошего для меня.

Гермиона отворачивается и газетой пытается скрыть своё огорчение за меня.

— Хотя, я кое-что забавное слышал про Зонко, — говорю с ухмылкой в сторону Гарри.

— Вот, это настоящий разговор, — приходит в возбуждение Гарри.

— О, нет, — выходит из себя Гермиона. — Турнир, Гарри! Скитер сейчас в Хогсмиде! — она расстилает перед нами газету и, конечно же, в ней статья, подписанная “Рита Скитер из Хогсмиды”, о временном расширении “Трёх Мётел”, чтобы принять всех зрителей, и о ней самой, поселившейся в одном из таких номеров.

— Тогда так. Вы, ребята, идите, а я тут пересажу, — сутулится и сникает Гарри.

— Чёрт возьми, Гарри! Если бы у тебя был способ невидимым попасть в Хогсмид, — щерюсь я на него подбадривающе. Глаза у него загораются вновь, а я смеюсь.

— Тебе непременно захочется сопроводить Гермиону. Никогда ведь не знаешь, когда её негодник-ухажёр попытается понахальничать.

— Уильям Аллен Лернер, мы не идём на свидание. И тебе лучше вести себя как следует! — отчитывает меня Гермиона.

— Аллен, гришь? Неплохо, но мимо. Надеюсь на что-нибудь более необычное. “Атпадон”, например.

— Тогда скорее уж лучше “Атвратон”. И не заставляй заколдовывать тебя!

— Эй, я типа Гарри на цырлах держу! Для его точности будет неплохо суметь попасть в мою шарящую руку жалящим заклинанием.

— Я передумала, и не иду.

— Окей-окей. Никаких шарящих рук, — смеюсь. — Но если пострадает точность Гарри в заклинаниях, то я буду винить тебя.

— А почему бы тебе не пригласить Дафну?

— Правда? — моя голова дёргается вверх от неожиданности. — Не ожидал, что у тебя такие свободные взгляды на...

— Имела в виду — вместо меня! — резко прерывает меня покрасневшая Гермиона,

сопровождая слова убийственным взглядом.

— Слишком публично, — морщусь. — Я не смог с ней обменяться больше чем парой ничего не значащих слов в коридорах.

— И время от времени — улыбочками, должна заметить, — она складывает руки на груди и многозначительно поднимает брови.

— И ими тоже, — признаю. — Но это неважно, поскольку завтра у меня свидание с тобой.

— Это не свидание!

— Проклятье! Тогда придётся придумать другую причину поцеловать тебя.

— Гарри, заколдуй его пожалуйста, если он попытается.

— Всегда готов, — по-скаутски салютует Гарри. — Прости, чувак.

— Эй, я не имел в виду в губы, — поднимаю руки, капитулируя. — Как насчёт быстрого клевка в щёку?

— Нет.

— Лоб?

— Нет.

— Макушку?

— Нет.

— Ладонку с тыльной стороны?

— Нет.

— А если я пошлю тебе воздушный поцелуй с пары метров?

— Я уклонюсь от него.

— Не знаю. В таких вещах целюсь я хорошо. А игра меня захватила.

— Новый план, Гарри. Колдуй его, как только он сделает губы трубочкой.

— Попался, — Гарри уже ржёт над нашим сценическим этюдом.

— Теперь я вижу, Гарри, — издаю грустное сопение, — что ты заныкал нашу дражайшую любовь исключительно для себя. — Ухмыляюсь в ответ на взгляд Гермионы, но моя ухмылка увядает, когда я вспоминаю кое-что. — Полагаю, что так даже к лучшему. Если Рита Скитер заметит наш поцелуй, мы с тобой вполне можем получить кучу угроз и обещаний смерти от фан-клуба Гарри. — Кривлюсь. — На деле даже обняться или подержаться за руки будет достаточно для этой омерзительной жучихи.

— Об этом я не подумала, — бледнеет Гермиона.

— Омерзительной жучихи? — переспрашивает Гарри.

— А, да. Рита Скитер — назарегистрированный анимаг-жук, — выдаю небрежно.

— Что? — взвизгивает Гермиона.

— Ага. Полагаю, что именно так она добывает некоторые эксклюзивные сенсации. В виде большого синего летающего жука. Наверняка она появится рядом с Гарри во время турнира.

— Уильям, мы должны отдать её в руки правосудия!

— Лучше уж подождать пока я не увижу такого жука, а потом просто случайно споткнусь и раздавлю его, — предлагает Гарри.

Гермиону его слова заставляют поперхнуться. А мне приходится воздержаться от смешка, поскольку я видел такой случай до этого. Точнее, читал.

— Гарри!

— Я же говорю — это будет несчастный случай, — оправдывается Гарри, но потом делает успокаивающий жест. — Успокойся. Ты же знаешь, что я шучу.

— Может просто сказать аврорам, что кто-то там незарегистрированный анимаг? — спрашиваю. — Или придумаем, как её поймать, и сдадим прямо в жучиной форме?

— А пока нам придётся глядеть вокруг в оба, — хмурится Гермиона. — Она же может шпионить

за нами почти везде.

— Можем почаще использовать муффлиато, на всякий случай, — предлагаю.

— Это усложняет жизнь, — говорит она, постукивая пальчиком по губам. — А Гарри уже обнаружил, что становится уязвимым к нападению сзади, поскольку не может среагировать на произнесение заклинания. — Она мотает головой. — Нам просто нужно быть внимательными во время его использования. Например, пока ты не сказал нам про Скиттер, нам не стоило его использовать.

— Извини, привычка.

Она отмахивается от извинения и меняет тему.

— Уильям, а как ты о ней узнал?

— Ты не забыла про мои тайны, так ведь? — серьёзно смотрю на неё.

— Иногда забываю, — вздыхает она.

— Ты всё ещё любишь меня, да?

— Ты так никогда и не собираешься позволить мне пережить и забыть?

— Нет, пока я смогу это использовать, чтобы умерить твою злость на меня.

— Меня терзают смутные сомнения, что ты истощишь эту привилегию очень быстро.

* * *

Гермиона передаёт мне сливочное пиво, вернувшись к столу, за которым я просматриваю список названий, который мы составили в “Томах и Свитках”.

— Спасибо. — Вкус как у жидких конфет-ирисок. Слегка сладковато на мой вкус, но в небольших дозах нормально.

— Думаешь достаточно? — в третий раз спрашивает Гермиона, прикусывая губу в беспокойстве, пока читает список вверх ногами.

— Несомненно. Три дюжины названий — более чем приличная выборка. Кстати, ты и вправду прелесть, когда вот так губку покусываешь.

— Уильям! Прекрати! Не заставляй меня краснеть на публике! — горячо шепчет она, забыв про чары уединения.

— Извини, я посчитал это самым лучшим путём остановить тебя от повторения вопроса, — говорю с усмешкой и делаю ещё один маленький глоток. Когда она отвечает только взглядом, я решаю сменить тему. — Итак, ты что-нибудь ещё надумала, что мы ещё не делали, но можем сделать для тренировки Гарри перед первым заданием?

— Хмм, не уверена. Может какое-то заклинание? Для изучения полезного навыка типа продвинутой трансфигурации времени нет. Не зная в точности первого задания, нам просто приходится надеяться на достаточность его подготовки. В конце концов призывные чары предоставляют так много возможностей, и твоя идея испытать их на дальнем расстоянии просто великолепна.

Мне нужна была уверенность, что он может призвать свою Молнию.

— Если говорить про продвинутую трансфигурацию, то ему стоит стать анимагом. Тебе тоже, кстати. Из тебя такая львица... или выдрочка симпатичная получится, ня?

— Что? — у Гермионы отлично получается поперхнуться сливочным пивом. — Уильям, это же очень продвинутая магия! Он не сможет стать им меньше чем за неделю.

— Не для первого задания, конечно, — отмахиваюсь я от её возражений. — Но ты не будешь знать точно, пока не попробуешь. Отец и крёстный Гарри оба стали анимагами ещё в Хогвартсе. Вряд ли позднее четвёртого курса, иначе не стали бы говорить, как о достижении, и что помогали таким образом Люпину. Пусть они и раздолбаи, но раздолбаи гордые. Если им это удалось, то почему вы, народ, не сможете сделать то же самое?

— Великолепно! — прерывает Гарри своё добровольное молчание под мантией. — Не могу поверить, что я сам ещё не подумал об этом!

— Профессор МакГоннагал, сама анимаг, вам поможет. И Сириус не откажется.

— Почему ты продолжаешь говорить “вы, ребята”? — спрашивает она. — Ты что, сам не собираешься попробовать?

— Я могу, но как-то не верю, что у меня получится.

— Почему нет? — серьёзным тоном спрашивает она.

— Ты же знаешь, палочки я использовать не могу. Не похоже, что я обычный волшебник, — преуменьшение вымышленного века.

— Уильям, анимагическая трансформация осуществляется без палочки, поэтому ты вполне можешь сделать это быстрее нас!

— Ну, в любом случае я буду тут с вами, ребята, — улыбаюсь я благодарно, хотя и не надеюсь особо на успех. И вздрагиваю от громкого щелчка.

— Симпатичная мантия, Поттер, — ворчит Крауч-Хмури, останавливаясь перед нашим столом. За ним проявляются очертания громады Хагрида, но тот находится за пределами муффлиато, и мы его не можем слышать. — Полезные чары уединения, одни из ваших, Грейнджер?

— На самом деле это мистера Лернера, — улыбается Гермиона.

Стараюсь не дрожать под вперившимся в меня магическим оком.

— Ваш глаз может? — отвлекает его и спасает меня Гарри. — Подразумеваю, вы...

— Да, он может видеть сквозь мантии-невидимки, — говорит Крауч-Хмури. Потом он протягивает руку вверх и проводит раскрытой ладонью под углом.. — Я ещё могу видеть созданный чарами пузырь, как этот. Хотя слышать ничего снаружи не слышу.

Хагрид нагибается так, что большая часть его огромной головы оказывается под рукой Хмури. Он шепчет кое-что тихо, но для меня и Гермионы это означает, что мы слышим каждое слово.

— Гарри, приходи ко мне сегодня в полночь в хижину. Приноси эту мантию. — Потом он выпрямляется и, продолжая уже неслышный нам разговор, профессора удаляются.

— Это было учтиво и без болтовни, — шучу после того, как персонаж, заставляющий меня покрываться мурашками, полностью покидает здание.

— Не уверена, что ты должен идти, Гарри, — говорит Гермиона, покусывая нижнюю губу. — Ты можешь опоздать на разговор с Сириусом.

— Думаю ты можешь сходить, — не соглашаюсь с ней. — Я могу просто спуститься вниз и занять его, если ты опоздаешь. Хочется пообщаться с Сириусом лично.

— Идея мне не нравится, — хмурится на меня Гермиона. — Гарри упоминал в письмах твоё

имя, но Сириус не знает, как ты выглядишь.

— Но тебя-то он знает в лицо. Тогда почему бы тебе не прийти на разговор?

Гермиона кусает губу, переводит взгляд туда-сюда с меня на сиденье Гарри.

— Хорошо.

Мой хлопок в ладоши заставляет её вздрогнуть.

— Превосходно! Видишь, Гарри? Теперь тебе придётся поторопиться вернуться побыстрее и проследить за нашим ночным randevu. Никогда не знаешь, что может случиться, когда Гермиона околачивается с такими негодяями. Лучше держи жалящее заклинание наготове.

Она поднимает брови на меня.

— У меня будет собственное жалящее наготове, и целиться я тебе буду не в руки.

* * *

— Алло, Гермиона, — тихонько приветствуя я, когда она подходит к огню.

— Привет, Уильям... извини, — заразительно зевает она.

— Сё'прядке... для меня тоже слишком поздно.

— Ага, чересчур.

Некоторое время сидим в тишине, глядя в огонь и поддаваясь его гипнозу.

— Хотя я и должен быть на стрёме от появления других, но мне придётся говорить с тобой, чтобы не уснуть.

Она вздёргивает голову от моих слов, тоже как будто вырываясь из дрёмы.

— Аналогично, Ватсон.

— Ум, — мычу, пока подыскиваю тему. — Может тебе стоит применить жалящие заклинания, в конце-то концов.

— Работать будет, — усмехается она, — но, думаю, разговор со мной — более приятный способ поддерживать бодрость.

— Это да.

Похоже, Гермиона уже ложилась спать и ставила какой-то будильник — её волосы выглядят особенно перепутанными, как будто она беспокойно ворочалась и металась на постели не один час. А я слишком очевидно улыбаюсь на эту её милую растрёпанность.

— Ни слова про мои волосы.

— Но они просто прелестны, — моя улыбка расплзается дальше, на что она притворно гневается.

— Я сказала — ни слова, и не начинай опять.

— Конечно, — улыбаться уже не тянет, и я смотрю в огонь. — Все мои шутки про неприличное поведение в отсутствие Гарри были и останутся только шутками. Я никогда не причиню тебе боль таким вот образом. — Чёртова поздняя ночь, я делаюсь мягким и впечатлительным. Ощущаю её взгляд, но мне слишком стыдно за своё сентиментальное признание, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Я знаю, — помедлив, говорит она.

— Я весь сейчас слезливо-сентиментальный, но неважно. Если ты велишь мне прекратить поддразнивания насчёт чего угодно, я подчинюсь.

— Знаешь, меня прямо подмывает воспользоваться твоим обещанием, — в её голосе чувствуется лёгкое удивление, и у меня ощущение, что брови у неё тоже подняты.

— Можешь. Я просто... от мысли, что я причиняю тебе боль любым способом мне тут же становится дурно до рвоты.

— То есть причинить мне боль — нормально, если ты отдохнувший и здоровый? — спрашивает она наполненным изумлением голосом. Я поворачиваюсь и морщусь на это, и её лицо смягчает улыбка. — Итак, какой Уильям настоящий — этот мягкий, сентиментальный, или тот таинственный шутник, которого мы все знаем и любим?

Её вопрос про настоящего Уильяма внезапно поражает меня совершенно неожиданным образом. Исчезает маска-гримаса, глаза закрываются, и нет сил даже держать голову, которая падает и зарывается в ладони. Текут слёзы, и я их просто не в силах остановить.

— Уильям, ты в порядке?

Ненавижу, когда люди задают мне этот вопрос в состоянии, когда я точно не в порядке. Это клапан для выпуска всех моих эмоций.

— Нет, совершенно нет.

— Пожалуйста, скажи мне, что плохо? — умоляет она. — Я хочу помочь тебе.

— Ты не сможешь... Это... это мои тайны. Их так много! Я... я даже не знаю, насколько правильно я поступаю. С твоей точки зрения всё жуть как подозрительно, конечно. Но я клянусь, что не держал бы их при себе, если бы у меня был выбор. Так много может случиться неверно.. и если... когда я расскажу тебе, ты меня возненавидишь.

— Уильям, — у неё тоже дорожки слёз на щеках, — если слишком тяжело, тебе надо поделиться ношей. Пожалуйста. Если не я, то найди другого. Гарри, Дафна, Дамблдор, Хагрид... кто-нибудь! Пожалуйста.

У меня дрожат руки, пока я тру себе виски, раздумывая. Можно поделиться крошкой. Крошка крошкой, но её детектор лжи слишком хорош и не пропустит увиливаний.

— Я... ух, это безумие какое-то. Я буквально обнаружил себя на платформе девять и три четверти первого сентября. Я... очнулся с палочкой в руке, которую до этого никогда не видел, и рюкзаком, который скорее всего был на мне, когда я... отправился. Ты была права в своих подозрениях первый раз, когда мы практиковались в чарах. Я ни разу в своей жизни не колдовал. За исключением моего попадания в неприятности в выручай-комнате чуть ранее. Когда пытался разгадать, каким образом я оказался здесь.

Поднимаю голову — она в состоянии полного изумления от совершенной неожиданности моих слов.

— Уильям, в этом же нет никакого смысла! — не получив ответа, она продолжает. — Как ты смог... если ты просто появился здесь, откуда ты всё знаешь?

— Я очнулся с этими знаниями в голове. — Правдивое утверждение и практически полное. — Я очнулся, зная кто есть кто из вас и что вы умеете делать. Как... — я чуть было не говорю “будто я прочитал детскую книжку про ваши приключения”, но вовремя прикусываю язык и просто развожу руками, как бы не находя образов. — Но я совершенно не понимаю, как и зачем я тут очутился. Я... это была правда, что мои родители — магглы. Потому что, насколько мне

известно, такой вещи как магия — не существует. — Я слегка съёживаюсь — так всё неуклюже звучит, но, к счастью, Гермиона интерпретирует всё в выгодном для меня свете.

— Ладно, волшебный мир скрыт, как ты теперь знаешь. Разве не может быть, что он был скрыт и до того, как ты в нём очнулся?

— Я... допускаю, — надо спустить это на тормозах... Ни под каким видом я не могу позволить ей узнать о причине своей абсолютной уверенности, что волшебный мир на моей Земле не существует. — Думаю, говорить о том, что магия нарушает почти все законы физики не имеет большого смысла, особенно после того, как я могу делать это здесь сам. Это и есть причина, по которой мое Хогвартское письмо было запечатано, как ты помнишь. Когда ты меня спросила на каком я буду курсе, я действительно не знал, пока ты не посмотрела.

— Но ты же одного с нами возраста? — её голова слегка отшатывается.

— Нет... — моё лицо снова опускается в ладони. — Я должен быть слегка постарше, хотя здесь я этого не ощущаю. Поэтому вся моя одежда была велика, я действительно уменьшился на пару дюймов.

— Ты хочешь сказать, что должен быть выше, чем сейчас? — Она пытается вызвать мою улыбку, но я слишком уж огорчён.

— Разве ты не видишь, Гермиона? Я слишком... Я могу выглядеть и ощущаться, как будто мне снова пятнадцать, но...

— Тебе не... — бледнеет она, — в районе сорока или около того?

— Нет, даже близко нет, — ну хоть такой смешок. — Я потерял всего-то пару-тройку лет. Но всё равно... Я не подхожу этому месту, этому возрасту... этому миру.

— Знаешь, вот теперь, глядя назад, очень похоже. Ты казался более взрослым сначала, но теперь ты гораздо игривее. Интересно... может та магия, что перебросила тебя сюда, действительно превратила тебя в пятнадцатилетнего и физически, и психически. Даже если в памяти у тебя больше лет, чем надо. Может психологическая часть просто медленнее внедряется?

Мотаю головой. Оставляю-ка я Гермионе попытки приблизиться к логическому объяснению того, что, очевидно, логических объяснений не имеет.

— Не знаю. Может быть. Я просто не знаю.

— Не буду лгать и говорить, что мне совсем не странно знать, что тебе не пятнадцать. Но это не кажется непреодолимым препятствием.

Моя голова опять падает в ладони, и я трясу ею.

— Ты не скажешь так, когда услышишь всю историю, — я думаю о том, что произошло бы на третьем задании, если я позволю всему идти своим чередом. — Но я не могу рассказать тебе эту часть, пока. Это... наихудшая часть... но я не могу говорить об этом. Не сейчас...

Гермиона закрывает глаза и делает глубокий вздох.

— Значит постепенно ты мне расскажешь?

— Если бы я мог, — говорю тихо. — Если бы я мог. Я расскажу тебе всё, но не сейчас.

— Хорошо, — она молчит примерно минуту. — Уильям, если ты прибыл... откуда-то ещё... поэтому у тебя нет денег или остального. — Киваю, и её глаза наполняются слезами, а потом вдруг расширяются ещё, и она давится всхлипом. — Ты говорил правду... у тебя нет... не было вообще никого.

— Только ты и Гарри. — Кривлюсь в гримасе белого клоуна.

— Ох, Уильям, — она бросается ко мне и крепко обнимает. — Как ты вообще... функционируешь? Я бы просто свернулась клубком и плакала. А я ещё и оттолкнула тебя почти сразу, когда у тебя не было никого вообще, — она снова всхлипывает. — Мне так жаль! Как ты смог меня простить?

— Я знаю, против чего вы боретесь, ты, Гарри, и любой, кто ему помогает. Я не смог бы никогда простить себя, если бы я оставил вас, ребята. И потом, мне было даже легче, и проще, чем Гарри, когда он тут появился. Гораздо легче, учитывая, через что ему пришлось пройти у родственников. Он сильнее меня.

— Вы оба сильные.

— У меня было хорошее детство, Гермиона — качаю я головой. — Гарри... Он... Часть унаследованного мной знания — это кое-что о его жизни не в Хогвартсе. Ты может знаешь, что он не в восторге от своих родственников, но... но, это его история, ему и рассказывать, если захочет. Достаточно упомянуть, что ты — это единственная причина, по которой он представляет, что такое любовь вообще.

— Нет, это ты сказал ему, если я правильно помню, — грустно смеётся Гермиона.

— Но это ты её продемонстрировала.

— Значит мы оба ответственные. — Тут она склоняет голову к моей груди. — Ты подталкиваешь

нас друг к другу, меня и Гарри, так?

— Мне очень жаль, — стыдливо гляжу в сторону. — Ему нужна такая как ты, даже если он пока не осознаёт твоего совершенства. Он идеально тебя дополняет. Его мощь и твоя мудрость, его интуиция и твой интеллект, его ярость и твоя нежность. И вы оба непостижимо храбры, добры, великодушны, у вас сильная воля и сильные сердца... — печально хмыкаю. — Честно — я его ревную. Вы уже приняли друг друга такими, какие вы есть и вам не нужно меняться, доказывать, угождать, напрягаться рядом друг с другом. Чудовищная редкость в подлунном мире.

— Всё это есть и у тебя тоже.

— Нет, и ты это узнаешь. — Позволяю своему напоминанию повисеть в воздухе. — Но всё равно это не имеет значения потому, что мне здесь нет места. Не буду лгать, что моя душа свободна от искушения, но... Гермиона, у меня уже была первая любовь. И я... Я не... я любил её во всех смыслах этого слова. Это такая боль, когда любовь уходит. Ты взрослая во многих вопросах, но... Глупо по этой причине отталкивать тебя, но мне достаточно знать, что в любой момент я могу взять и завтра, например, просто исчезнуть. А ты останешься... с болью... И это после того, как я обманывал тебя — и всё ещё вынужден скрывать многое... Я не могу. Я просто не могу быть связанным с тобой.

— Ты имеешь в виду, что... — она бледнеет, когда осознаёт всё сказанное мной, а потом обхватывает себя руками. — Поэтому, когда ты обнимал и целовал меня...

— ...это было невыносимо хорошо и невыносимо больно, и мне не хотелось прекращать. Мне жаль. Я могу... Я совсем всё прекращу, если тебе так легче.

— А знаешь, то же самое будет и для меня, — слёзы текут ручьями по её лицу. — Каждый раз мне будет напоминать о том, что могло бы быть при других обстоятельствах. Но я не хочу ничего запрещать тебе.

Тяжело вздыхаю и свешиваю голову. Проведя пальцем сквозь волосы, решаюсь взглянуть на неё.

— Прости меня. Я не должен был этого говорить. Я не... Я не хотел, чтобы ты почувствовала то же, что и я.

— А мне не жаль, что встретила тебя, Уильям. Даже за такую цену.

— Да мы просто пара мазохистов, — мрачно усмехаюсь. — Ты понимаешь, что если мы сейчас перестанем быть друзьями, это будет не так больно в будущем?

— Мне всё равно. — Она ложится головой мне на грудь, расплескав копну кудрявых волос, и

прижимается крепче. Прижимаю её в ответ.

— Мне тоже.

Бежит время, а мы прижимаемся друг к другу под треск огня, который остаётся единственным звуком в пещероподобной гостиной Гриффиндора.

— Гарри пора вернуться, — разрушает она тишину, но не отстраняется от меня. Бросаю взгляд на часы, одновременно обтирая лицо рукавом.

— Надеюсь. Уже почти время.

— Ты... собираешься рассказать ему то же, что и мне? — мгновение взвешиваю, но не вижу причин для отказа. Только надо в точности вспомнить, какие тайны я раскрыл.

— Да. Может кроме той части, что я забочусь о тебе больше, чем должен. Ну и о моём “сводничестве” не стоит. Колданёт в ответ сгоряча.

— Сомневаюсь на его счёт.

— Не хочу, чтобы он думал, что я пытаюсь манипулировать им. Ему и так досталось много по этой части, и уверен, дальше всё будет ещё хуже. Хотя я свой умысел определил “как друг пробует устроить судьбу друга”, но даже так мне всё равно не по себе. Надеюсь, что я ничего не разрушил между вами своим вмешательством.

Она внимательно рассматривает меня.

— Не разрушил. Я начала думать о тебе... больше чем просто о лучшем друге. Но я не уверена. Может, это просто ответ на твои чувства в отношении меня. Не думаю, что Гарри видит меня в таком свете, — она краснеет от признания, и я уверен, что не уступаю ей в степени румянца.

— Может не сейчас, но он не сможет не разглядеть, какой ты идеал для...

— Не надо, — голос Гарри звучит за спинкой кресла, поразив нас обоих.

— Гарри! — пищит Гермиона, отпрыгивая от меня. — Когда ты... — она замолкает, и я, повернувшись, вижу, как по его щекам также сползают слёзы.

— Давно. — Он обходит моё кресло и без сил плюхается в оставленное Гермионой. — Слишком давно даже. Вы забыли про две вещи — пророчество и... — он легонько постукивает по своему шраму. Кровь отливает от лица Гермионы.

— Нет.

— Я был... — он глубоко вздыхает. — Я был так рад, когда ты неплохо стала ладить с Уильямом. Ведь это значило, что ты сможешь быть счастлива независимо от того, что случится со мной. — Голос его подводит пару раз, пока он говорит, делая его признание ещё более болезненным.

— Гарри...

— Я никогда не забывал первый раз, когда ты меня обняла, Гермиона. И никогда не забуду. Это вообще первый раз на моей памяти, когда меня кто-то обнял. Я не знал что это такое, пока Уильям не сказал мне, но знаю, что люблю тебя с этого самого момента точно, а может даже и раньше. Но даже когда я не знал про причину одержимости Волдемота желанием убить меня, я ощущал достаточно, чтобы понять — со мной у тебя нет возможности для счастья. — Он горько усмехается. — Я настолько желал тебе счастья, что даже попытался разбудить в тебе симпатию к Рону. — Тут его лицо теряет живость и глаза отражают ещё больше отсветов пламени из-за увеличившегося количества слёз. — Я мог бы поклясться, что Уильям подходит тебе, — добавляет он тихо.

Гермиона прячет лицо в снятой диванной подушке и содрогается в рыданиях как никогда до этого. Мы с Гарри молча подсаживаемся с двух сторон от неё, просто гладим ей спину, руки и проводим пальцами сквозь её волосы. Вскоре огонь полыхает зелёным, и на мгновение в камине появляется лицо.

— Бродяга? — каркает Гарри.

— Гарри? Ты уверен в безопасности? — спрашивает Сириус, всё-таки появившись ещё раз. — Что не так? Что случилось? — его лицо становится всё более озабоченным по мере произнесения слов.

— Это... — Гарри прочищает горло когда голос подводит его ещё раз. — Это Уильям Лернер. Я говорил тебе о нём. И, конечно, ты помнишь Гермиону.

— Привет, Бродяга, — садится ровно Гермиона, стирая остатки слёз с покрытого пятнами лица.

Сириус улавливает и наше состояние, и видимое отсутствие любой аварийной ситуации. Он повторяет вопрос гораздо более спокойно.

— Что случилось, Гарри?

Гарри просто мотает головой.

— Ты когда-нибудь слышал про трагедии Шекспира, Бродяга? — спрашивает Гермiona ломающимся голосом. — Мы, по всем признакам, живём сейчас в одной из них.

<http://tl.rulate.ru/book/53673/1360811>